

Ли Хуэй жил в семейном квартале завода эмалированных изделий. Восточная окраина города в плане сноса и застройки всегда плелась в хвосте — этот район до сих пор никто не решался прибрать к рукам. Здесь теснилось с десятков обветшалых кирпично-бетонных многоэтажек, где доживали свой век старые рабочие. Сам завод обанкротился еще в начале девяностых: землю под цехами распродали, вырученные деньги разделили между своими, и на том история закончилась — преемников, готовых взять на себя ответственность за жилой фонд, так и не нашлось.

Впрочем, у жизни в таком месте были свои плюсы. Соседи знали друг друга в лицо десятилетиями; пусть дома и выглядели трущобами, за чистотой и безопасностью здесь следили зорко. Любого чужака неизбежно ждали подозрительные расспросы и пристальные взгляды в спину.

На самом деле Ли Хуэй вполне мог позволить себе приличное жилье, у него даже имелась недвижимость, купленная под инвестиции, но жил он только здесь. Эта квартира осталась от матери, и почти вся обстановка в ней — мебель, утварь — была той самой, из прошлого.

Лу Юньпин чувствовал себя здесь как дома. Поднявшись в подъезд, он с силой топнул, чтобы сработал датчик света. Сяо Хуэй тут же шикнул на него:

— Потихе ты. Не видишь, который час?

— Ой, — отозвался Юньпин и посторонился, давая другу открыть дверь.

Едва переступив порог, Лу Юньпин начал стягивать куртку, но тут же зябко передернул плечами.

— М-да, ну и дубак у тебя.

Ли Хуэй, не оборачиваясь, прошел на кухню ставить чайник.

— Глотнешь горяченького — согреешься.

Юньпин подошел к батарее и обхватил ее руками.

— Вас разве не к городскому отоплению подключили? Почему едва греет? Жаловаться на них надо.

Сяо Хуэй зашуршал дверцами шкафов. Чая не нашлось, зато под руку попался пакет с сушеными финиками. Он сполоснул несколько штук, разломил и бросил в кружки.

— Один ты у нас такой нежный. Холодно ему... Думаешь, сейчас как раньше, когда на заводе

своя котельная была и уголь не жалели? Радуйся, что хоть чуть теплится.

Лу Юньпин взглянул на настенные кварцевые часы: стрелки подбирались к двум ночи. В такое время падение температуры в трубах было делом обычным. Сяо Хуэй добавил в кипяток две ложки сахара и вынес кружки в гостиную. Юньпин так и замер у батареи, пригревшись и прикрыв глаза.

— Пей давай. И выметайся.

Лу Юньпин открыл глаза и взял кружку. Вода была обжигающей, он попытался отхлебнуть, но лишь шумно втянул воздух. Пока друг ушел в ванную умываться, Юньпин с кружкой в руках неприкаянно бродил следом, пытаясь завязать разговор. Сяо Хуэй, с полным ртом зубной пасты, на болтовню не отвечал. Тогда он заглянул в спальню.

— О, а тут вроде потеплее.

Ли Хуэй, вытирая лицо полотенцем, вошел следом и потянул его за рукав:

— Иди, иди. У тебя свой дом есть, нечего тут приживаться.

Лу Юньпин заартачился:

— Ну куда я сейчас поеду? Ты на время посмотри. Пока доберусь до Синьгана, пока лягу — уже светать начнет. Неужели тебе жалко, если я разок перекантуюсь?

Пока Сяо Хуэй колебался, Юньпин, не теряя времени, скинул одежду и нырнул под одеяло. Тот лишь беспомощно вздохнул, глядя, как гость ворочается на кровати. Делать было нечего — Ли Хуэй достал из шкафа новое пуховое одеяло и бросил другу в лицо.

— Иди помойся. Нечего сальными волосами подушку пачкать.

Видя, что Сяо Хуэй сдался, Юньпин довольно заулыбался и потрусил в ванную. Она в старом доме была крошечной: вместо унитаза — древняя чаша «генуя», в стене над ней — вмонтированный душ. Горячей воды в такой час, разумеется, не было. На хлипкой полочке над раковиной теснились стакан, кусок мыла, бритвенный станок и тюбик крема «Мецзяцзин».

— Я возьму твою щетку, ладно? — крикнул он из ванной.

Ли Хуэй не ответил, и Лу Юньпин с каким-то необъяснимым восторгом принялся чистить зубы чужой щеткой. Они крупно поссорились почти два месяца назад и всё это время не общались. Сегодняшний жест Сяо Хуэя значил только одно: он его простил.

Когда Юньпин вернулся, хозяин уже забрался в постель. Он укрылся старым ватным одеялом, которое от времени стало совсем тонким, и высунул пятки к батарее. Рядом лежало пышное пуховое одеяло в старомодный цветочек. Юньпин быстро разделся, юркнул под него и выключил лампу.

В комнате воцарилась тишина. Где-то вдалеке прокричал паровозный гудок — сначала приглушенно, потом всё отчетливее, пока звук не заполнил пространство. Для Лу Юньпина это была музыка прошлого, до боли знакомая. В своей вилле в Синьгане он часто просыпался посреди ночи, тоскуя именно по этому: по скатывающемуся в катышки белью, по щербатой батарее, по тусклому свету уличного фонаря в окне и мерному дыханию спящего рядом человека...

Юньпин несколько раз перевернулся с боку на бок. Пуховое одеяло казалось холодным. Он осторожно протянул руку под соседнее одеяло, нащупал выступающие позвонки на спине Ли Хуэя и негромко произнес:

— В этом году снега еще не было.

Сяо Хуэй чуть отодвинулся и неопределенно хмыкнул. Юньпин придвинулся следом.

— Сушь такая стоит, мороз колючий. Ты не простужался этой зимой?

Ли Хуэя это навязчивое ощупывание начало раздражать.

— Ты можешь мне хоть раз чего-нибудь хорошего пожелать?

— Тьфу, неблагодарный! Я же о тебе забочусь, не слышишь, что ли?

— Спи уже. Мне завтра рано вставать.

Лу Юньпин пощупал его одеяло:

— Его бы просушить на солнце, совсем в тряпку превратилось.

— Завтра просушу, — вяло отмахнулся Ли Хуэй. — Засыпай, не возись.

Одеяло Юньпина было двуспальным. Он внезапно встряхнул его и накрыл их обоих, объединив в один кокон. Сяо Хуэй хотел было возмутиться, но Лу Юньпин крепко обнял его прямо через ватный слой, и гневный возглас застрял в горле.

— Ты что опять творишь?

— Так теплее, — глухо отозвался Юньпин, уткнувшись ему в шею.

Сяо Хуэй попытался высвободить руку, чтобы отвесить другу затрещину:

— А ну брысь к себе! Как так спать? В обнимку, что ли?

Юньпин перехватил его ладонь и крепко сжал.

— А я по-другому не усну.

Ли Хуэй на мгновение замер, а потом тихо, почти шепотом, произнес:

— Пин-цзы... Может, ты всё-таки поедешь домой? Чэн Сяоцзя наверняка тебя ждет.

Юньпин долго молчал, а потом вдруг резко откинул одеяло. Ли Хуэй испуганно дернулся, хотел обернуться, но Юньпин навалился сверху, прижал его к кровати и принялся исступленно, жадно целовать. Сяо Хуэй пытался увернуться, но друг, тяжелый и властный, не давал и шанса на победу.

Когда Лу Юньпин наконец оторвался от его губ, Ли Хуэй лишь хрипло хватал ртом воздух. Юньпин снова потянулся к нему под одеяло, и тот мог бы ударить его, мог бы столкнуть на пол, но силы оставили его. Он чувствовал лишь непомерную тяжесть. Гул паровоза за окном становился всё призрачнее. Он болезненно выгнулся, а Юньпин зашептал ему на ухо, горячо и преданно:

— Сяо Хуэй... Сяо Хуэй, маленький мой...

Ли Хуэй из последних сил вцепился в его плечи.

— Пин-цзы, мы же договаривались.

Лу Юньпин, чьи глаза покраснели от возбуждения, замер, прикусив его шею.

— О чем договаривались?

— Мы же друзья. Не надо так.

Эти слова подействовали как ушат ледяной воды. Юньпин вздрогнул, его охватила крупная дрожь. Он приподнялся на локтях. В темноте лицо Ли Хуэя было едва различимо, но от него исходил тот самый, до боли знакомый запах. Это был его лучший друг. Брат, с которым они прошли через огонь и воду.

«Мы же друзья... Не надо...»

Юньпин молча скатился с него. Сяо Хуэй сел, поправил одежду и натянул на себя ватное одеяло, отпихнув пуховое обратно Юньпину. В комнате долго стояла тишина, пока Юньпин наконец не выдал:

— Прости.

Ли Хуэй уже вернул себе прежний невозмутимый тон:

— Ладно, спи уже. Хватит болтать.

Лу Юньпин еще долго сидел в темноте. Сон не шел. Он встал, оделся и вышел в гостиную. Там он курил одну сигарету за другой, глядя в пустоту и наблюдая за фосфоресцирующими стрелками часов. Сяо Хуэй думал, что он вот-вот уйдет, но в гостиной было тихо. В конце концов усталость взяла свое, и он начал проваливаться в сон. Последней его мыслью было:

«А в доме-то и правда холодновато».

<http://bllate.org/book/17478/1692635>